

Вездесущее. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Вездесущее. Максим Горький

Осенний свинцовый вечер; холодный дождь, мелкий, как пыль, неумолимо сеет на крыши домов Берлина, на зонтики почтенных немцев и камень мостовой; крупные, краснощекие люди торопливо разносят свои сытые тела, большие животы по улицам, скучно прямым.

Огромный город – сегодня весь мокрый, озябший и хмурый – утомительно правилен, он точно шахматная доска, и кто-то невидимый гоняет по ней черные фигуры, молча играя трудную, сложную игру.

Между крыш, над черной, спутанной сетью деревьев, тускло блестит купол рейхстага, как золотой шлем великана-рыцаря, плененного и связанного толстыми цепями улиц, каменно-серыми звеньями домов.

Вспыхивают бледные, холодные огни, и вода на мостовой в щелях и выбоинах камня светится синевато; тонкие маленькие ручьи напоминают вены, густую, отравленную кровь. От огней родились тени, тяжелый город, еще более тяжелея, оседает к мокрой земле: дома становятся ниже, угрюмей, люди – меньше, суетливее; всё вокруг стареет, морщится; гуще выступает сырость на толстых стенах, яснее слышен шум воды в водостоках, и покорно падают на плиты тротуара тяжелые капли с крыш.

Скучно. Этот город – такой большой, серый, хвастливо чистый – неуютен, как будто он создан не для людей, а напоказ, и люди живут, поработанные камнем. Они мечутся в улицах города, как мыши в мышеловке, жалко смотреть на них: жизнь их кажется бессмысленной, непоправимо, навсегда испорченной – никогда они не станут выше того, что создано ими до этого дня, не почувствуют себя в силе жить иначе – свободней и светлей.

Хрипло ухают и гудят автомобили, гремит и воет блестящий вагон трамвая, синие искры брызгают из-под его колес; недоверчиво хмурятся подслеповатые окна домов и холодно плачут о чем-то. Всё кажется смертельно усталым, и всюду – сырость, точно пот больного лихорадкой. Безнадёжно дребезжит колокол церкви, не достигая слуха людей, бегущих мимо ее двери, открытой, как беззубый рот дряхлого старика.

На паперти – на цоколе между двух колонн – прижалось трое: старый, седоусый продавец газет, с широким бритым подбородком, и двое чистильщиков улиц: один – маленький, коренастый, с разрубленным от уха к носу лицом, другой – сутулый, изогнувшийся вопросительным знаком.

Над его головой, в кожаной фуражке, – бронзовый окислившийся консоль, скупо горит маленькая лампочка, бледный свет ее падает на развернутый лист газеты в руках сутулого; он вполголоса, внятно и торжественно – как священное писание – читает что-то, а из-за плеч его на лист смотрит жадно газетчик, тихо восклицая:

– Прекрасно! О, это прекрасно!

И коренастый, утвердительно качая головой в такт голосу чтеца, тоже говорит уверенно:

– Это – правда! Старый Карл[1] хорошо знает ее и умеет сказать...

В церкви медленно и устало ходит черный человек, зажигая маленькие, болезненно желтые огни, люди у двери ее сомкнулись в трехголовое тело, голос сутулого звучит всё более торжественно, и белый огонь лампы ясно освещает крупные буквы заголовка газеты: «Вперед!»[2]

Со дна глубокой улицы Нью-Йорка, сквозь пыль и копоть, неподвижной пеленою висящую в жарком воздухе, небо кажется сизым и мутным, как вода болота.

Скоро полдень, но солнце спрятано где-то за крышами десятиэтажных домов, их однообразно гладкие, грязные стены – в тени, эта тень – душна и не дает прохлады. Кое-где через крыши, в окна верхних этажей, знойно смотрят солнце, не достигая разноцветных вывесок: все стены испещрены их пестрыми заплатами, это

Вездесущее. Максим Горький gorkiymaxim.ru
делает дома похожими на нищих.

Улица до крыш налита теплым, липким воздухом, все окна открыты, и ни в одном нет ни цветка, ни ветки зелени, ни яркого пятна; из окон смотрит темное; всё закоптело в дыму, густо напудрено пылью, и отовсюду текут вниз на черную сорную мостовую запахи машинного масла, клея, кожи, пота.

Вместе с запахами на улицу из окон непрерывно течет глухой гул работы: тархтят машины, свистят, строгая дерево, столярные станки, всхлипывает пила, барабанят палки скорняков, выбивая волосы из меха.

Улица кажется сточной канавой; медленно льется по ней, куда-то в мутную пустоту дали, широкий, густой, как нефть, поток шума и запахов, а в нем плывут обломками разрушенной жизни избитые грузовые моторы, серые, как весенние льдины, черные телеги угля и каких-то товаров, всё – угловатое, прямолинейное, тяжелое. Неутомимый шум работы звучит победоносно, а фантазия, возбужденная им, создает странные уподобления: гладкие стены многоэтажных домов напоминают неприступные замки средневековья, ждешь, что вот сейчас в улице появятся рыцари, закованные в железо; они что-то разрушили, ограбили и спокойно увозят из города краденое, уводят пленников.

Люди, пленники труда, почти незаметны среди возов, автобусов и толстых лошадей, тяжелых, как слоны; потные и грязные фигурки двуногих слишком ничтожны в сравнении с массами домов, товаров и со всем, что, окружая их, тяжело и медленно катится по дну улицы. Люди очень мелки, и, когда видишь их растерянными в сетях города, невольно думается, что едва ли сумеют они преодолеть эту прямолинейную, угнетающую жизнь в ядовитой духоте, в грязи и копоты.

Вдруг, незаметно откуда, под одним из фонарей стал большой парень в красной фуфайке, с какими-то железными палками на плече; гибкий и сильный, как цирковой борец, он быстро приладил железины к фонарю, – образовалось нечто подобное маленькой эстраде, парень легко вскочил на нее и, приложив одну руку ко рту, держась другою за столб фонаря, крикнул в улицу:

– Алло, ребята!

Лицо у него пестрое, обрызгано веснушками, курчавые рыжие волосы и голубые глаза; весь он какой-то задорный, горящий; вот – снял старую, измятую шляпу, машет ею, как черным флагом, и, легко побеждая шум улицы, звучно кричит:

– Алло, ребята! Подарите мне две минуты вашего времени, только две минуты – хорошо? Олл райт?

Медленно, не останавливаясь, движутся воза, едут моторы, идут, покуривая трубки, пожевывая табак, коренастые немые люди, черные, как негры. К фонарю не спеша, покачивая клобом, надетым за ремень на руку, шагает ирландец-полицейский, коротенький и толстый, как двухпудовая гиря.

Двенадцать ударов колокола, – улица сразу наполнилась свистом, ревом и воем, в этих звуках ясно слышишь ненасытно голодное, злое, точно у огромного пса отняли кость, которую он не успел доглотать.

И, вслед за гудками, убегая от них, из домов посыпались на улицу темно-синие фигуры рабочих, мужчин, женщин, детей; они сразу наполнили глубокий ров новым шумом и завертели кубарями на мостовой, между возов, под унылыми мордами лошадей.

Человек около фонаря вырос, вытянулся вверх, красное пятно его фуфайки одиноко в улице и очень резко бросается в глаза; он встряхивает рыжей головой, всё его лицо играет, каждую минуту меняя выражение: он стал маяком на одном из берегов темной реки, запруженной массою живого человеческого тела, и хорошо слышен над раздробленной толпой его зовущий голос:

– Сюда, ребята, здесь говорят правду о жизни рабочего народа, о его правах на труд и свободу!

Толпа течет мимо него, но постепенно вокруг фонаря образуется как бы водоворот, всё больше людей останавливается около живого маяка, поднимая головы вверх;

Вездесущее. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
рыжий парень, наклоняясь к ним, широко размахивает рукою, как бы показывая дорогу, и, точно удары набатного колокола, звучат его вопросы:

– Довольны ли вы вашей жизнью? Такова ли она должна быть, люди? Разве вы рабы и не хотите лучшего?

Толпа растет, молчит, но иногда – и с каждой минутой всё чаще, громче – раздаются из нее одобрительные крики:

– Очень хорошо, парень! Вэри уэлл, бойс! Олл райт![3]

– Всё, что ценно и прекрасно на земле, создается вашим трудом; пользуетесь ли вы всем, что ценно и прекрасно?

Полицейский, прислоняясь широкой спиной к чугунному столбу фонаря, сам тоже из чугуна отлит; он равнодушно жует табак, у него мертвые маленькие глаза с белыми ресницами и лиловые щеки алкоголика. Иногда он поднимает желтые брови кверху и тоже бормочет:

– Очень хорошо! Олл райт...

Крики одобрения черной толпы всё сильнее, а над ними свободно плавают мощный голос оратора, летают слова, окрыленные верою, и сам он как будто летит над людьми, красная, огненная птица – предвестница новой жизни...

Станция подземной дороги, в обе стороны тянется узкий, длинный туннель, выложенный белой кафлей, весь в ярких пятнах реклам. Точно бусы ожерелья, горят, убегая вдаль, жемчужные огни электрических ламп. Стены покрыты жирным блеском, как будто смазаны салом; на черной полосе земли сверкают нити рельс, вытянутые направо и налево; огонь дрожит, кажется, что полосы металла расплавлены и текут.

Сверху проникает неутомимый гул надземной жизни – смягченный отзвук великого труда всё побеждающих людей. Здесь, под землю, звук этот подобен торжественному пению органа, он заставляет думать, что наверху люди уже устроили жизнь светлую, радостную и ныне славословят великую силу разума и воли.

Из дальней туннеля, то справа, то слева, почти ежеминутно вылетают поезда, – мчатся огненные змеи, – и, наполнив белую трубу железным грохотом, воем, исчезают в ней.

Всё вокруг дрожит в страшном напряжении; думается, что вся земля многоярусно прободена такими же светлыми ходами, по всем направлениям проникают в нее со сказочной быстротою эти гремучие, сверлящие змеи, созданные человеческим умом из железа, движимые таинственной силой, поработанной волею человека.

Подлетит к станции сверкающая цепь вагонов, остановится, вздрогнет, выкинет на перрон десяток весело возбужденных людей, проглотит на место их другой десяток, и снова металлическое тело мчится вдоль туннеля в огне и грохоте, шумно дышит запахом масла и гари, исчезает, как бы торопясь просверлить землю еще глубже, еще больше.

Нервозная дрожь вагонов и земли, безумная быстрота движения так странно не соответствует спокойствию людей, ожидающих своих метро.

Эти люди, с первого взгляда однообразные, одинаково потертые, поношенные, невольно удивляют опасной торопливостью, с которой они выскакивают из поезда, едва только он остановится, удивляют уверенностью, с которой прыгают в дрожащие и, кажется, готовые взорваться вагоны. Потоп в их движениях чувствуешь людей, привыкших сознать себя победителями сил природы.

Около кассы громко беседует группа рабочих, особенно возбужден один – горбоносый, с маленькими усами, в измятой серой шляпе на затылке; делая рукою отсекающие жесты, он кричит:

– Ба, когда человек уходит от народа, – теряет не народ, а человек...

– Так, но – Бриан...[4]

– Эта кость уже выварилась в моем супе, и мне ничуть не жалко бросить ее собакам...

Звучит смех, – приятно слышать его здесь, под землей, – он так хорошо отвечает органному гулу там, наверху.

Мягкий грудной голос говорит серьезно и важно:

– Это правда! Очевидно, что всё хорошее, что он мог дать нам, он дал, а затем...

– Мы остаемся богаче, он – бедней... Откуда-то под ноги людей подкатилась маленькая рыжая собака, ее пушистый хвост загнут на спину, она высунула розовый язык и умными черными глазами торопливо оглядывает ноги людей, принюхиваясь.

Большой человек, усатый, в белой блузе, обрызганной красками, вежливо приподняв шляпу, спрашивает собаку:

– Ваш билет?

Здоровый, громкий хохот. Собака села у ног блузника и задней ногою чешет пушистое ухо, – он схватил ее на руки и, приплясывая, поет:

Марьетта,
Моя Марьетта...

Двое-трое подпевают ему, а молодой, задорный голос тоже поет свои слова:

– Наш труд – основание культуры, весь мир лежит на плечах рабочего...

Из белого горла туннеля, заставляя трепетать жемчужные бусы огней, мчится одноокое чудовище; подкатилось, смело с перрона всех людей и, взвизгнув, полетело дальше в недра земли или на поверхность ее, откуда в туннель торжественно льется музыка жизни мирового города.

Мутно-зеленая вода Генуэзского порта осеяна мелкой угольной пылью, прямые лучи полуденного солнца играют на этой тонкой пленке серебром и причудливо спутанными цветами перламутра на жирных пятнах нефти.

Порт тесно заставлен огромными, всех наций, судами; густая, грязная вода едва зыблется между высоких бортов, тихо трутся друг о друга неуклюжие барки с углем, шуршат и поскрипывают причалы, гремят якорные цепи, маленькие, как водяные жуки, паровые катера, пыхтя, скользят по воде, и что-то размеренно бухает, как ленивый, негромкий улар по коже большого барабана.

В жаркое небо стройно поднялась густая роща мачт, перечеркнутая горизонтальными линиями рей; рей, точно огромные стрелы, посланы во все края неба мощною рукой. Тихо дышит легкий ветер с моря, в синеве небес трепещут разноцветные флаги, и по вантам развешаны – сушатся – фуфайки судовых команд. Всюду протянуты железные цепи, толстые канаты, как бы для того, чтоб удержать в каменном кольце порта стройные пароходы, они опутаны такелажем, как рыбы сетью, и уснули в отравленной воде.

Тысячами светлых окон смотрит на черный порт мраморный город, разбросанный по горе, и шлет вниз, морю, живой, бодрый шум, – порт отвечает грохотом цепей, свистом и вздохами пара, сонным плеском воды о железо бортов, о плиты камня.

На корме небольшого грузовика, около лебедки, в тени измятого, обвисшего брезента сидят трое негров и сожженный солнцем, почти такой же темный, как они, итальянец, гладко остриженный, досиня бритый, с черными бровями, большими, как усы.

Пред ними на грязном ящике четыре стакана лилового лигурийского вина, искромсанный кусок сыра, ломти хлеба, – но они не едят и не пьют: оттопырив толстые вывороченные губы, негры внимательно слушают бойкую речь итальянца, храбро извергающего поток слов на всех языках мира.

Негры смотрят в рот ему и на его руки, – неумоимо летая в воздухе пред их черными лицами, пальцы матроса красноречиво лепят речь, и без слов почти

Вездесущее. Максим Горький gorki.ucoz.ru
понятную. Правый рукав его куртки разорван, болтается белым флагом, оттеняя бронзовую руку, до плеча голую, до локтя исписанную темно-синим узором татуировки.

У одного негра курчавые волосы седые на висках, левого уха нет у него, в нижней челюсти не видно зубов; другой – широконосый гигант, с добрым, круглым лицом и наивными глазами ребенка; третий – юноша, гибкий, как зверь, полуголый и блестящий на солнце, – выветленное трением железо. Лицо у него умное, почти арийски правильное, губы не толсты, круглые, как вишни, глаза красиво задумчивы, – глаза влюбленной женщины. Он слушает с напряжением особенно сильным, – весь потянулся вперед, точно хочет прыгнуть на оратора, а тот, резким жестом руки отталкивая что-то прочь от себя, кричит с гордостью:

– Для нас нет еврея, негра, турка, китайца: рабочие всей земли – братья!

Старый негр, утвердительно качнув головой, говорит своим по-английски:

– Для него – нет цветных, это правда!

– Ты знаешь меня пятнадцать лет!

– О да! – сдвинув ударом ладони белый колпак на обезображенное ухо, внушительно кричит негр, тоже почему-то горячась: схватил черною рукой стакан вина, поднял высоко и, указывая на него пальцем, продолжает:

– Слушать его, как пить это вино, – хорошо! Он – всегда – он! Он... везде говорит одно это: все люди, – люди цветные – тоже люди! Теперь, в морях, говорят это больше, чем прежде, – я знаю! Он очень много так говорил, так делал, за ним – еще один, два, и – стало много хороших людей, о, я, старый, очень знаю. Когда белый говорит о Христе – уйди прочь, когда он говорит о социализме – слушай! Тут – правда! Я – видел жизнь...

Молодой негр привстал, серьезный и важный, протянул матросу свой стакан и юношески чистым голосом сказал по-французски:

– Это хорошо знать мне. Будем пить за то, чтоб все так жили, как вы хотите, я и все хорошие люди, – хорошо, да?

И гигант тоже протянул белому длинную руку со стаканом, утонувшим в черной ладони; он хохочет, оскалив огромные зубы гориллы до ушей, похожих на звенья якорной цепи, хохочет и орет по-итальянски:

– Пить – много!

А повар, подняв стакан свой еще выше, как бы грозя кому-то, продолжает:

– Это – социализм! Он – везде: на Гаити, в Глазгоу, Буэнос-Айресе – везде! Как это солнце...

И все четверо смеются: громче всех итальянец, за ним, густо рыча, – большой негр, гоноша даже закрыл глаза и запрокинул голову, а старик-повар, смеясь негромко и визгливо, кричит:

– Везде! Да! Я – знаю!

С поля в город тихо входит ночь в бархатных одеждах, город встречает ее золотыми огнями; две женщины и юноша идут в поле, тоже как бы встречая ночь; вслед им мягко стелется шум жизни, утомленной трудами дня.

Тихо шаркают три пары ног по темным плитам древней дороги, мощенной разноплеменными рабами Рима; в теплой тишине ласково и убедительно звучит голос женщины:

– Не будь суров с людьми...

– Разве ты, мама, замечала за мной это? – вдумчиво спрашивает юноша.

Вездесущее. Максим Горький gorkiymaxim.ru

– Ты слишком горячо споришь...

– Горячо люблю мою правду...

С левой руки юноши идет девушка, щелкая по камню деревянными башмаками, закинув, точно слепая, голову в небо, – там горит большая вечерняя звезда, а ниже ее – красноватая полоса зари, и два тополя врезались в красное, как незажженные факелы.

– Социалистов часто сажают в тюрьму, – вздохнув, говорит мать.

Сын спокойно отвечает:

– Перестанут. Это ведь бесполезно...

– Да, но пока...

– Нет и не будет сил, которые могли бы убить молодое сердце мира...

– Это – слова для песни, сынок...

– Миллионы голосов поют эту песню, и всё более внимательно слушает ее вся жизнь...
Вспомни-ка: разве ты прежде так терпеливо и ласково слушала меня или Паоло, как слушаешь теперь?

– Да! Да... но вот стачка принудила тебя уйти из родного города...

– Он мал для двоих, пусть остается Паоло! А стачку мы выиграли...

– Выиграли, – звучно откликнулась девушка. – Ты и Паоло...

Не окончив, она тихонько смеется, потом с минуту все идут молча. Навстречу им выдвигается, поднимаясь с земли, темный холм, – развалины какого-то здания, – над ним задумчиво опустил тонкие ветки ароматный эвкалипт, и, когда они трое поравнялись с деревом, ветки его как будто тихо вздрогнули.

– Вот Паоло, – говорит девушка.

Черная высокая фигура отделилась от развалин и стоит среди дороги.

– Сердцем увидала? – спросил юноша, смеясь. Впереди звучит эхом:

– Идешь?

– Да. Вот тебе мои. Не провожайте меня дальше, не нужно! У меня всего пять часов пути до Рима, и я ведь намеренно пошел пешком, чтоб собраться в дороге с мыслями...

Остановились... Высокий снял шляпу и говорит надорванным голосом:

– Ты можешь быть спокоен за мать и сестру, – всё будет хорошо!

– Я знаю. До свидания, мама!

Она всхлипывает, стонет тихонько; потом звучат три крепких поцелуя и мужественный голос:

– Иди домой и спокойно отдыхай, поволновалась ты за эти буйные дни! Иди, всё будет хорошо! Паоло такой же сын тебе, как я! Ну, сестренка...

Снова поцелуи и сухой шорох ног по камням, – чуткая ночная тишина отражает все звуки, как зеркало.

Четыре фигуры, окутанные тьмою, плотно слились в одно большое тело и долго не могут разъединиться. Потом молча разорвались: трое тихонько поплыли к огням города, один быстро пошел вперед, на запад, где вечерняя заря уже погасла и в синем небе разгорелось много ярких звезд.

Вездесущее. Максим Горький gorkiymaxim.ru

– Прощай, – тихо и печально раздаётся в ночи.

Издали откликнулся бодрый голос:

– Прощай! Не грусти, скоро увидимся...

Сухо стучат деревянные башмаки девушки, сиповатый голос говорит утешающие слова:

– Он не пропадет, донна Филомена, можете верить, в это, как в милость вашей Мадонны. У него – хороший ум, крепкое сердце, он сам умеет любить и легко заставляет других любить его... А любовь к людям – это ведь и есть те крылья, на которых человек поднимается выше всего...

Город всё обильней сеет во тьму свои скромные, бледные огни; слова высокого человека тоже сверкают, как искры.

– Когда человек несет в сердце своем слово, объединяющее мир, он везде найдет людей, способных оценить его, – везде!

У городской стены прижался к ней, присел на землю низенький белый кабачок и призывно смотрит на людей квадратным окном освещенной двери. Около нее, за тремя столиками, шумят темные фигуры, стонут струны гитары, нервно дрожит металлический голос мандолины.

Когда трое поравнялись с дверью, музыка замолкла, голоса стали тише, несколько фигур поднялось...

– Добрый вечер, товарищи! – сказал высокий.

И десяток голосов ответил радостно, дружески:

– Добрый вечер, Паоло, товарищ! К нам? Стакан вина?

– Нет... Благодарю!

Мать, вздохнув, сказала:

– И тебя очень любят все наши...

– Наши, донна Филомена?

– Э, не смейся... Не чужая своему народу говорит с тобой... Все любят вас: тебя и его...

Высокий взял девушку под руку, говоря:

– Все и – еще одна... Так?

– Да, – тихо сказала девушка. – Конечно...

Тогда мать рассмеялась негромко:

– Ах, дети!.. Слушаешь вас, смотришь и – веришь: да, вы станете жить лучше, чем жили мы...

И все трое рядом скрылись в улице города, узкой и растрепанной, как рукав старой, изношенной одежды...

Примечания

1 Старый Карл – очевидно, Карл Каутский.

2 «Vorwärts!», ежедневная газета, выходившая с 1876 г. с 1891 до 1933 г. была центральным органом германской социал-демократической партии.

3 Очень хорошо, парень! Правильно! (Англ.).

4 Аристид Бриан (1862–1932), реакционный французский политический деятель.

Вездесущее. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiyamaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!